

«ОЧЕНЬ ЧАСТО ВСПОМИНАЕМ
ГОСТЕПРИИМСТВО ДОБРОЕ ВАШЕ...»

ПИСЬМА ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА
МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ (1925 г.)

В начале 1920-х годов дача М. Волошина в Коктебеле, известная под названием «Дом поэта», становится своеобразным культурным центром в советской России, куда съезжаются на летние сезоны представители творческой интеллигенции, в основном из Москвы и Ленинграда. Свободное сообщество людей разных поколений, художественных профессий, идеологических и культурных ориентаций несомненно способствовало обогащению творческих и человеческих контактов, расширяло культурно-философское поле взаимоотношений. Вместе с тем нельзя не отметить, что гости Волошина в отличие от дореволюционных времен не представляли собой элитное и рафинированное общество любителей изящных искусств, оно было в значительной степени разбавлено теми, кто приезжал не к Волошину — Поэту и Пророку, а просто отдохнуть в Крым, искупаться в волнах Черного моря. Поэтому коктебельский приют для «поэтов, ученых, художников и бродяг» представлял в советское время весьма пестрый ковчег, населенный людьми хотя и творческих профессий, но нередко далекими от художественных устремлений хозяина и культуры Серебряного века, которую он олицетворял. Количество людей, приезжавших к Волошину, было воистину фантастическим. «Если в первый, 1923 год, через Дом „прошло“ шестьдесят человек, то в 1924 году было уже триста, а в 1925-м — четыреста».¹ И к каждому из них были обращены слова Волошина: «Войди, мой гость, страхни житейский прах и плесень дум у моего порога...».²

Летом 1925 года среди многочисленных гостей Дома поэта появился молодой писатель Леонид Леонов с женой. К этому времени Леонов был уже хорошо известен в литературной среде. Появились в печати его блестящие рассказы, был издан роман «Барсуки», о котором с восторгом писал

---

¹ Давыдов З., Купченко В. «Буду рад Вас видеть в Коктебеле...» (Неизданная переписка Максимилиана Волошина и Михаила Булгакова) // Радуга. 1989. № 4. С. 125.

² Волошин М. Дом поэта. Л., 1991. С. 176.

М. Горький. Появлению Леоновых на крымском берегу предшествовала переписка Волошина с тестем Леонова — Михаилом Васильевичем Сабашниковым, который и просил поэта устроить у себя на даче молодую чету Леоновых. Необходимо заметить, что известный издатель, бессменный руководитель издательства «М. и С. Сабашниковых», был не только знаком с Волошиным, но и состоял с ним в родстве, ибо первая жена Волошина — Маргарита Васильевна Сабашникова (1882—1973) — приходилась двоюродной племянницей издателю. Кстати, именно М. В. Сабашникова впервые обратила внимание своего двоюродного дядюшки на молодого, начинающего писателя — Леонида Леонова.³ Однако, несмотря на отдаленное родство, отношения М. А. Волошина и М. В. Сабашникова носили лишь деловой характер.

М. А. Волошин постоянно сотрудничал с издательством братьев Сабашниковых. В 1914 г. в серии «Страны, века и народы» вышла в его переводе и с его предисловием книга Сен Виктора «Боги и люди». В ИРЛИ (Пушкинский Дом) находятся письма М. В. Сабашникова М. А. Волошину (1912—1925). В них речь идет как раз о переводе, рукописи и корректуре книги Сен Виктора, обсуждается замысел книги Волошина о готическом искусстве, рассматривается проект издания сборника стихов поэта к его пятидесятилетнему юбилею. Попутно Михаил Васильевич сообщал и о трудностях в работе издательства, связанных с политическими волнениями рабочих и взаимоотношениями с новой властью в 1920-е годы. Эти трудности в какой-то мере разделял и Леонид Леонов, будучи женат на дочери Сабашникова — Татьяне Михайловне (1903—1979) и проживая в семье издателя.

Особенно сложным оказалось лето 1924 г. В письме М. Волошину от 19 августа 1924 г. Сабашников писал: «Мы, производители книг, издатели тоже переживаем трудные дни: налоги здесь, налоги там, квартирные платы, исключение из состава жилтовариществ — все это как из рога изобилия вылилось внезапно на нас, т. к. мы попали в группу нэпманов!, конечно, по недоразумению, но когда-то все это разберется. Пишу все это не для бесплодных жалоб — у всякого свое и надо свои невзгоды про себя оставлять, а чтобы объяснить Вам, почему я еще не приступил к набору Вашей книжки. Стараюсь свое юридическое положение как частного издателя определить и оградить себя на будущее время от всяких неожиданностей, какие обрушились на меня за это лето. Определив свое положение, возобновлю работу с удвоенной энергией, чтобы наверстать упущенное время. Пока же надо добиться, чтобы издательство наше, вступившее в 35 год своего существования, не вынуждено было распасться под бременем непосильных налогов».⁴

Следующее письмо от 10 апреля 1925 г. было более оптимистичным: «Многоуважаемый Максимилиан Александрович! Вы имеете много оснований досадовать на меня за то, что я до сих пор не выпустил в свет Вашей книги стихов. Но Вы, конечно, сменили бы гнев на милость, если бы знали все злоключения, которые за осень и зиму претерпело наше злополучное „издательство“. Пишу это слово в кавычках потому, что были месяцы,

³ Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1983. С. 379.

⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1057. Л. 12—13.

когда от издательства действительно ничего, кроме одного названия, не оставалось. Под нажимом фининспекции мы закрыли осенью наш магазин, но это первое время не освободило нас от прессы. Всю осень мы лишены были возможности заниматься делом, и со времени нашего свидания в Москве до конца декабря мы не выпустили ни одной книги! Таковы были результаты усердия, не по разуму, фининспекции. В декабре мне, однако, удалось выиграть дело по жалобе на чудовищно-чрезмерное обложение, и я немедленно приступил к выпуску книг. В феврале и марте мы уже работали полным ходом...».⁵ В конце письма, оговорив все условия для скорейшего выпуска книги Волошина, М. В. Сабашников писал: «Я очень признателен за приглашение Ваше в Коктебель. Воспользоваться сим не могу — после неудач и аварий прошлого года в нынешнем будет не до отдыха: надо восстановить работу издательства, расширить его и дать ему размах. Но Леоновы, Таня и Леня, загорелись желанием съездить к Вам на побывку. В ответе на письмо Леонида Максимовича не поставьте себе за труд дать молодым людям несколько хозяйственных практических указаний: как ехать и что брать с собой, принимая во внимание время года и обстановку жизни в Коктебеле. Впрочем, Леонид Максимович сам Вас спрашивает. Примите уверения в моем уважении и преданности. М. Сабашников. Одновременно посылаю несколько новых книг. Софья Яковлевна просит меня добавить еще одну к Вам просьбу. Так как у Тани слабы верхушки легких, то ей важно жить не на северной стороне. При ответе Вашем не откажите уведомить, представляется ли возможным в Коктебеле получить Леоновым комнату сухую и солнечную».⁶

Из текста этого письма ясно, что публикуемое письмо Леонова М. Волошину от 10 апреля 1925 г. было отправлено в Коктебель вместе с письмом М. В. Сабашникова. По получении благоприятного ответа Леоновы выехали в Крым. Это произошло 10 мая 1925 г., о чем свидетельствует письмо жены Сабашникова — Софьи Яковлевны (1870—1952) М. Волошину от 10 мая 1925 г., в котором она сообщает, что «Леоновы сегодня едут к Вам».⁷ С. Я. Сабашникова просила хозяина коктебельской дачи присмотреть за дочерью, ибо ее беспокоило слабое здоровье Тани и незнание крымской жизни. «Леонов, по молодости, не придает значения многому, — писала она, — а Таня сама не решится, может быть, спросить Вас».⁸

В начале лета 1925 года вместе с Леоновым в гостях у Волошина на коктебельском берегу оказались: А. Г. и Н. А. Габричевские, С. З. Федорченко с мужем Н. П. Ракицким, пианистка М. А. Пазухина, Э. Ф. Голлербах, поэт Г. А. Шенгели с женой, М. А. Булгаков с женой (Л. Е. Белозерской), А. П. Остроумова-Лебедева с мужем, О. Ф. Головина, на несколько дней приезжал И. М. Саркизов-Серазини, приходил в гости А. Грин с женой и др.

По свидетельству Л. Е. Белозерской, Леоновых поселили в отдельном домике «типа татарской сакли». Сами Булгаковы жили в нижнем этаже

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1067.

⁸ Там же.

дальнего двухэтажного флигеля («дом Юнге»)⁹ Распорядок дня был довольно свободный: гости гуляли, купались, собирали сердолики, ходили в горы, ловили бабочек, принимали участие в многочисленных розыгрышах, импровизированных спектаклях, посещали по желанию литературные и музыкальные вечера. На этих вечерах читал свои стихи и Максимилиан Волошин. Но слушать мэтра приходили одни лишь дамы. Как специально отмечала в своих мемуарах Л. Е. Белозерская, «ни Леонова, ни Шенгели, ни Софьи Захаровны Федорченко, ни М. А. (Булгакова. — Т. В.) на этих чтениях я не видела».¹⁰

Леонид Леонов, по-видимому, держался довольно обособленно, ибо в воспоминаниях А. П. Остроумовой-Лебедевой, письмах С. З. Федорченко, М. А. Пазухиной, И. М. Саркизова-Серазини к Волошину осенью 1925 года, после приезда из Коктебеля, имя Леонова почти не упоминается. Как лаконично сообщала в своих воспоминаниях Н. А. Габричевская (Северцова), «не сдружались» они и с Булгаковым,¹¹ хотя вместе 7 июля 1925 г. покидали гостеприимный Дом поэта.

Все волошинские гости, уезжая из Коктебеля, становились многочисленными корреспондентами поэта, сообщая ему новости о себе, впечатления о литературной и общественной жизни Москвы и Ленинграда. Нередко они делились благодарными воспоминаниями о проведенном лете в волошинской Киммерии. Так, к примеру, в одном из писем Волошину 5 октября 1924 г. С. З. Федорченко писала: «Кстати, о Коктебеле: пропускная способность его оказалась рекордной. По самым придирчивым расчетам через Коктебель прошло сто тысяч. Мне страшно за вас. А не шутя, не могло ведь все совершенно ладиться, и мне грустно думать об этом. Но все приехавшие оттуда в восторге и объединяются по землячеству, это, видимо, коктебельская и волошинская традиция».¹²

Несмотря на то что Леонов встречался в Москве с людьми, которые вместе с ним или в иное время были у Волошина, его, так же как и Михаила Булгакова, трудно причислить к «волошинской традиции». «Волошинское землячество» в середине 1920-х годов формировалось вокруг С. З. Федорченко, которая объединяла гостей Волошина в Москве, часто и много писала «коктебельскому затворнику». Именно она 1 марта 1926 г. организовала литературно-музыкальный вечер в помещении ГАХНА с «благотворительной целью для помощи Волошину». Среди выступавших были: П. Антокольский, В. Вересаев, Б. Пастернак, Ю. Слезкин, М. Булгаков. В программе этого вечера было и имя Леонида Леонова, но неизвестно, выступал ли он на этом мероприятии.

Именно в письме к С. З. Федорченко от 26 ноября 1925 г. Волошин спрашивал: «Видаете ли Вы наших летних друзей: Леоновых, Булгаковых? Они уехали — как в воду канули — ни единой строчки. А очень хотелось бы знать о них».¹³

---

⁹ Белозерская Л. Е. Страницы жизни // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 204.

¹⁰ Там же.

¹¹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 325.

¹² ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1219. Л. 9.

¹³ Давыдов З., Купченко Вл. «Буду рад Вас видеть в Коктебеле...». С. 130.

Похоже, что та же Софья Захаровна Федорченко, пригласив Леонова на чтение своей книги «Народ в Гражданскую войну» 17 декабря 1925 г. передала «летнему другу» упрек Волошина, ибо письмо Леонова Волошину было написано на следующий день с горьким раскаянием «в свинстве». Кроме двух публикуемых писем в архиве Волошина автографов Леонова нет. Однако сохранился черновик письма М. А. Волошина Л. Леонову от 3 апреля 1932 г. Он написан карандашом, очень неразборчиво, с большой правкой и вычеркиваниями. За несколько месяцев до смерти Максимилиан Волошин писал Леонову: «Дорогой Леонид Максимович! Пишу тебе это письмо как Пред. Союза С. Писателей, но тем не менее предупреждаю: исключительно личного характера. Я получил от И. В. Евдокимова очень странную телеграмму, наполовину перепутанную почтовыми чиновниками при пересылке. Телеграмма такова: „Мы решили на десять отдать дом партизату (видимо, партиздату. — Т. В.), за нами тридцать мест в лето, арендатор оборудует дом превосходно, всем это выгодно. Решение свое телеграфируйте. Евдокимов”. Я в глубоком недоумении от этой депеши. Когда я $\langle$ передал $\rangle$ мой дом в дар ВССП, я оговаривал в нем, что (Дом Поэта) будет использован Союзом согласно тем принципам и его (30-летним) существованием. А теперь вижу, что независимо от меня мой дом передается за моей спиной другой организации (я не знаю, что такое «партизат», д. б. телеграфное искажение), это же само по себе мне враждебно, т. к. я никогда $\langle$ нрзб. $\rangle$ не извлекал „выгоды” от моего дома и предназначил его только для тов.-писателей совершенно бесплатно».¹⁴ Далее Максимилиан Александрович выражал опасение и за судьбу своего архива, который он также передал Союзу, испросив себе пенсию как хранителю 150 руб. в месяц. Он спрашивал у Леонова «совета и указания» и мнения по всем этим вопросам. Передавал привет Тане и Михаилу Васильевичу.

Неизвестно, получил ли Леонов это последнее письмо Волошина, узнал ли о тревоге, которую ему внушала деятельность правления ВССП, председателем которого он являлся с 1929 г. Со смертью Максимилиана Волошина исчезает из жизни Леонова коктебельская тема. Она, как и у Михаила Булгакова, переходит в творчество. Булгаков свои коктебельские впечатления сразу же выплеснул на страницы прессы и сделал достоянием читающей публики. В «Красной газете» с 27 июля по 31 августа 1925 г. появился цикл очерков «Путешествие по Крыму», где была небольшая глава и о Коктебеле. В ироничной, фельетонной манере писатель обрисовывает красоты пейзажа, каменную болезнь, которой страдают отдыхающие, «обращенное в развалины» кафе «Бубны», постоянный раздражающий ветер, нэпманов, жующих черешни, и «голых уродов», которые везде ходят в трусиках. Булгакова интересовал в какой-то мере пейзаж и этнографические типы вокруг Волошина. Сам поэт и его гости не будоражили творческое внимание писателя.

В творчестве Леонова воспоминания о Коктебеле обрели реальное воплощение через десять лет после памятного коктебельского лета. В романе «Дорога на Океан» (1935) появляется небольшой фрагмент, посвященный поэту и странным обитателям его дома. Один из героев романа — Ар-

---

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 71.

кадий Гермогенович Похвиснев — пожилой романтик и вечный либерал, случайно попадает в «одну уединенную татарскую деревушку» в Крыму: «Перед ним стоял тучный, рано одряхлевший человек в поношенных штанах, вправленных в трикотажные гетры, и в просторной, как море, серого тканья, рубахе. Дымила на ветру его седая грива, стянутая по лбу узким ремненным пояском. Восхищенный Похвиснев вслух сравнил этого человека с Овидием, скитающимся в устьях Дуная и обдумывающим свои Послания с Понта. Сравнение попало в самый нерв. Человек улыбнулся и показал на двухэтажный дом... Отличный мастер приподнятого поэтического слова, он угасал здесь без славы и литературного потомства. Время было такое, когда пророки нарождаются в народе, — поэт мнил себя одним из них, но и отлично сложенные пророчества его не сбывались. Порою гости бывали единственными потребителями его творений, равно величественных, неискренних и умных. То были художники и профессора средней руки, состарившиеся поклонники и просто милые и болезненные люди, которым врачи прописали умирать на южном побережье. За комнату и близость к музам они платили беззаветным восхищением перед меркнувшей звездой поэта. Со скуки здесь любили чудаков...

Утром хозяин повел гостя смотреть Карадагские ущелья, а вечером — древнее Киммерийское плоскогорье: полынь хороша на закате. Он знал здесь каждый уголок и самое море считал своим произведением...

Постоянное поэтическое возбужденье поддерживалось в этом доме. Каждый сочинял что-нибудь в меру сил...

Дача поэта стояла на самом берегу. В снежную погоду дом наполнялся солоноватой горечью моря и мокрым скрежетом песка... Легкие волны бежали к берегу и во множестве гибли на песке. Дерево ежилось; сквозь ланцетовидные тамарисковые листья обильней проникали звезды» (6, 139—140).

Картина коктебельской жизни воссоздана Леоновым с достаточной мерой приближения к реальности, но весьма жестко, с каким-то биологическим неприятием одряхлевших, состарившихся, болезненных, умирающих людей. Эта жесткость в какой-то степени уравнивается восхищением Похвиснева и язычески целостным пейзажем, который обнимает море, плоскогорье, ущелья, горы, деревья и звезды. Леонов, в отличие от Булгакова, дает точную оценку творчества поэта, препарировывает типы его гостей. Поэт и его поклонники находятся среди вечной природы, вокруг них нет другой жизни, быта, только длится «какой-то неистовый шабаш ветров».

Подводя итоги, можно было бы сказать о том, что Леонов не понимал и не принимал Волошина-поэта, что ему не были близки философские его идеи и пророчества и что это обусловлено разными происхождением, воспитанием, возрастом и общественно-политическими настроениями. Но это не совсем так, ибо любимая идея Волошина об историко-культурной преемственности, о сохранении в современности останков разных культурных слоев, исторических эпох, рас является одной из главных опор в творческой программе Леонова, начиная с 1920-х годов и до итогового романа «Пирамида» (1994). И Леонов мог бы вслед за Волошиным повторить заключительные строчки из стихотворения «Дом Поэта»: «Весь трепет жизни всех веков и рас / Живет в тебе. Всегда. Сейчас».

Два письма Леонова М. Волошину публикуются по автографам с соблюдением авторской орфографии и пунктуации. Слова, реконструируемые публикатором, заключаются в угловые скобки. Письма хранятся в архиве М. Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 778).

1

10 апр⟨еля⟩ 1925

Дорогой Максимилиан Александрович!

М. В. С-ов¹ только что показал мне письмо Ваше, в котором Вы любезно указываете на возможность провести часть лета у Вас, в Коктебеле. Обстоятельства прошлого лета сложились так, что мы с женой никак не могли покинуть Москвы. Ныне же нам обоим почти совершенно необходимо побывать в Крыму и нам обоим хотелось бы использовать разрешение Ваше — если, конечно, это возможно! — с 1-го приблизительно мая до 1-го, хотя бы, июня. Я совершенно не знаю условий жизни в Крыму, ибо никогда не был там, — не знаю — удобно ли это время в смысле погоды и проч. Вместе с тем, дела позволяют мне приехать только в мае, ибо июнь должен застать меня уже в деревне, куда поеду работать.

Если это время удобно для Вас, я очень прошу Вас черкнуть мне самую коротенькую записку, что, де, мол, возможно, а маршрут, мол, такой-то и такой, а захватить с собой нужно то-то и то-то и т. д. Адрес мой тот же, что и тестя, — проезд Девичьего поля, 8-а, Л. М. Леонову. Жена просит передать Вам свой привет и благодарность за разрешение приехать. — Кстати — верны ли слухи, будто бандиты на ⟨Желицкой даче⟩ поезда останавливают? Не лучше ли будет прямо переслать деньги к Вам по почте? Или это только пустяки?

Искренно преданный Вам
Леонид Леонов.

Москва

¹ Сабашников Михаил Васильевич (1871—1943), известный издатель, тесть Л. М. Леонова.

18 декабря 1925 года

Милые Мария Степановна и ты, Макс,

Me harcule¹ — сиречь клянусь, что уже дважды пытался исполнить это — написать Вам о московском житье-бытье, ибо почитаю сделать это — долгом своим, но все, конечно, дела — проклятые дела.

Нет, кроме шуток, — не сердитесь, что не писал. Впредь перестану жить свиньей и буду аккуратен. — Слухом земля полнится — слышал третьего дня от Николая Петровича² (и то вскользь), что Макс был болен. Чем? Долго ли? Для его выздоровления, вернее скорейшего восстановления (ибо, надеюсь, что бодрствует уже), посылаем мы Вам с Таней некоторые тут сладости. Будем оба счастливы, если придутся по вкусу и поспособствуют хоть в некоторой степени услаждению коктебельского зимнего...

Черт знает, какой-то дурацкий стиль выходит. Не сетуйте за это: работаю много сейчас,³ а бумага становится к вечеру сильно ненавистна. Надобно вот такое сильное раскаянье в свинстве, как сейчас у меня, чтобы сесть за бумагу.

В Москве зима настоящая, круто заварена. Морозит и вся Москва как бы на корте мечется: всегдашняя сумятица. Новости? Федорченко С. З. написала книгу «Народ в гражданскую войну».⁴ Оную она читала вчера у Зайцева,⁵ был и я. Очень любопытно, и, если бы не перегрузка кое-где на кровь и т. п., то, пожалуй, не хуже первой ее книги. Оба Федорченки,⁶ как люди бодрые, прыгают, поскольку могут. Мишу Булгакова встречаю редко: оказиями.⁷ Он часто в таинственности пребывает. Пишет ли он Вам?⁸ С Сашей⁹ тоже не встречались ни разу: Москва, в ней так очень трудно встретиться. С. А. Толстую видел несколько раз. Она замуж вышла за Есенина.¹⁰ Трудно ей, бедняге... Есенин сейчас в клинике: много пил последнее время.¹¹ 〈Бьет〉 и его, и ее порознь. Видаю С. Парнок¹² и еще кого-то: забыл. Литературных новостей мало: Пильняк ездил в Турцию,¹³ Вс. Иванов на Кавказ,¹⁴ Бабель работает для кино.¹⁵ Я окончил пьесу,¹⁶ она (почти процентов — 55) пойдет в Художественном у стариков: ответа окончательного пока не имею. В 3-ей студии пойдут со следующего сезона мои «Барсуки»,¹⁷ — переделываю сейчас. Написал первую часть романа, который собирался писать в Коктебеле.¹⁸

Странное дело: Коктебель! Как-то чудно. Непокойная у вас там природа: буйно очень. Я работать умею только в тишине и на

ровном месте. Но вот солнца Вашего, Коктебельского нашему не заменить. Знаете, все коктебельские камешки, которых я привез сюда изрядное количество, как-то съезжились и потускнели.¹⁹ Очевидно, им нужно то солнце, Ваше. Трудно им тут, в банке у меня. Очень часто вспоминаем с Таней гостеприимство доброе Ваше, врачеванье Марьи Степановны (Макс, милый, без сантиментов, а просто так: поцелуй ее крепко, очень прошу), вечера, прогулки, и всякое прочее, коктебельское. Если не писал я, то во-первых, потому что я свинья и лентяй, во-вторых — лентяй и свинья, а в-третьих — по тем же самым причинам.

Сейчас усиленно занимаюсь фотографией:²⁰ купил аппарат и упражняюсь с женою в четыре руки. Эх, не догадался я заняться этим в Коктебеле. «Видел татарин во сне вшу, (да которой не было)».²¹ Вот уж именно так. Палка моя, которую я вырезал у Вас там, жива, прыгает по московским улицам и шлет Вам и всей своей родине всяческие приветы. Удивительно: я до сих пор отчетливейшим образом вижу то место, где я ее срезал: мог бы найти хоть ночью, право.

Татьяна сейчас зашивает посылку, которая завтра же отправится к Вам. Будем адресовать ее на Дом Айвазовского в Феодосию. Как получите — уведомите какой-нибудь писулькой. — Жертвенная женщина: рубашку разорвала за неимением холста (впрочем, рубашка-то моя, хи-хи!) Марья Степановна, помните, как вы доставали у меня из горла кусок хлеба, весом фунт? При эдакой коптилочке, какими-то такими щипчиками. Я стенаю, а она утешает: «Сейчас мы его оттуда... Ну-ка, покашляйте»... Умильнейший вечер!

Никогда я не обладал талантом письма писать, а потому опять перепрыгиваю на литературные новости. А. Белый печатает в «Круге» свой новый роман «Москва».²² А Саркизов-Серазини, представьте, пьесу написал: идет тут в каком-то театрике, не помню, в каком. Называется «Сочувствующий».²³ Вот тебе и «тревожимые странными сновидениями».

Наболтал я много, вот толку, сам вижу, мало. Надо кончать. Я и кончаю. Напоследок целую Вас обоих, Макса и Мать-Степанну, поздравляю с хорошим российским рождеством, желаю всякого добра и, отправляясь на сон грядущий, еще раз вспоминаю Коктебель и вас, добрые наши друзья.

Ваш Леонид Леонов.

18 декабря 1925 года

Москва 11 час. вечера

(Проезд Девичьего поля, 8-а)

Дорогие Мария Степановна и Макс!

Леня правильно объяснил причину нашего молчания: свинство. Но кроме этой причины есть еще и другая: он много работает, занят с утра до вечера, днем — на службе в Госкино, чужие сценарии читает, возвращается усталый, вечером — пишет. В свободные минуты — бегаёт с фотографическим аппаратом и снимает все и вся. У нас теперь вместо каменной — новая болезнь — «фотографическая». Заманиваем к себе в комнату ни в чем не повинных людей, мучаем их, усаживаем в течение часа, вертим им головы, руки, ноги... Снимаем бедных страдальцев с выдержкой в две-три минуты, при них же проявляем, и их же ругаем, если плохо выходит. Вот будете в Москве, — и вас снимем! Уж мы над вами постараемся! Как вы живете? Вероятно, от летнего шума отдыхаете? Видаю часто Галину, вспоминаем с ней о Коктебельском житье и умиляемся. Просила она Вам привет передать. Ну, всего вам доброго и хорошего. Целую крепко.

Таня.

¹ Me haecule (*лат.*) — Клянусь Геркулесом!

² Имеется в виду Ракицкий Николай Петрович (1888—1979), муж С. З. Федорченко.

³ См. об этом приписку к этому письму Т. М. Леоновой.

⁴ Федорченко Софья Захаровна (1888—1959), писательница, известна прежде всего как автор нашумевшей в 1920-е годы книги «Народ на войне». В 1925 г. была закончена ее третья часть, посвященная Гражданской войне. Полностью эта часть опубликована в «Литературном наследстве», Т. 93. Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. М., 1983. С. 9—160.

⁵ Зайцев Петр Никанорович (1889—1971) — литератор, издательский работник, в 1920-е годы работал в издательстве «Недра». Являлся организатором двух литературных кружков: поэзии (С. Парнок, Б. Пастернак, М. Волошин и др.) и писателей-«фантазеров» (М. Булгаков, М. Козырев, С. Заяицкий, Л. Леонов).

⁶ Федорченко С. З. и Ракицкий Н. П.

⁷ Леонов и Булгаков встречались на заседаниях «Никитинских субботников», кружка Н. П. Зайцева, на других литературных заседаниях. В какой-то мере их сближала и работа во МХАТе. Почти одновременно с «Днями Турбиных» шли переговоры о постановке и репетиции пьесы Леонова «Унтиловск» в 1925—1926 гг.

⁸ Булгаков 16 октября 1925 г. телеграфным переводом возвратил Волошину долг (25 руб.) и сообщал о материальных затруднениях в своей жизни. 3 мая 1926 г. он прислал Волошину открытку, в которой поздравлял с праздником и благодарил за присланную ему акварель (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 296).

⁹ По-видимому, Габричевский Александр Георгиевич (1891—1968) — литератор, искусствовед, переводчик. Прославился своими рисунками и шаржами среди гостей Дома поэта.

¹⁰ Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900—1957), дочь А. Л. Толстого, внучка Л. Н. Толстого. Брак с Есениным зарегистрирован 18 сентября 1925 г. Об этом событии М. Волошин уже знал из письма С. А. Толстой от 23 ноября 1925 г. Она писала в Коктебель: «Дорогие мои, понимаете, я очень влюбилась, а потом замуж вышла, и так меня это завертело, что я от всего мира оторвалась и только в одну точку смотрю» (Сергей Есенин в переписке современников // Вопросы литературы. 1980. № 12. С. 228).

¹¹ Есенин находился в Платной клинике Московского университета с 26 ноября по 21 декабря 1925 г. Леонов был знаком с Есениным, ценил его талант. Осенью 1925 г. посетил вместе с ним Ермаковский ночлежный дом. Этот факт нашел свое отражение в романе «Вор». В феврале 1926 г. в журнале «30 дней» Леонов публикует статью, посвященную памяти С. Есенина: «Умер поэт».

¹² Парнок София Яковлевна (1885—1933), поэт, переводчик. Л. Горнунг в дневниковых записях 1 апреля 1924 г. отметил: «Волошин сказал, что у нас сейчас три лучших поэтессы — Ахматова, Парнок, Цветаева. У Парнок очень уж развита внутренняя сторона стиха и закончена форма каждого стихотворения. Можно взять каждое, как вещь в руки» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 496).

¹³ Пильняк Борис Андреевич (1894—1937) в письме Д. А. Лутохину от 22 декабря 1925 года сообщал: «...в октябре уехал на Ближний Восток, был в Турции, Греции, Палестине, — смотрел века, солнце и синь моря» (Письма Бориса Пильняка В. С. Миролюбову и Д. А. Лутохину // Русская литература. 1989. № 2. С. 233).

¹⁴ Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) в октябре—ноябре 1925 г. был в Батуме и Баку. В письме М. Горькому из Батума 7 октября 1925 г. он писал: «Живу я здесь потому, что в Москве совершенно работать нельзя» (Иванов Вс. Переписка с А. М. Горьким. Изд. 2-е. М., 1988. С. 24).

¹⁵ Бабель Исаак Эммануилович (1894—1941) на протяжении 1925 года работал над сценарием «Беня Крик» по мотивам «Одесских рассказов». Он вышел отдельным изданием в издательстве «Круг» в 1926 г. с жанровым подзаглавием «киноповесть».

¹⁶ В ноябре—декабре 1925 г. по просьбе К. С. Станиславского Леонов написал пьесу для МХАТа «Унтиловск» по мотивам одноименной повести, которая опубликована после смерти писателя. Запрет на публикацию повести наложил И. С. Остроухов, и Леонов выполнил его волю. Пьеса опубликована в «Новом мире» (1928. № 3). Премьера спектакля во МХАТе состоялась 17 февраля 1927 г.

¹⁷ Роман «Барсуки», переработанный сначала автором, затем совместно с театром, был поставлен на сцене 3-й студии МХАТа (впоследствии театр им. Е. Вахтангова). Премьера состоялась 22 сентября 1927 г.

¹⁸ Имеется в виду роман «Вор», который был задуман в мае 1925 г. как история из жизни «воров и циркачей» под названием «Возвращение Мити». Отдельным изданием «Вор» вышел в 1928 г.

¹⁹ Леонов, как и многие другие гости Волошина, не избежал «каменной болезни» и с увлечением искал оригинальные экземпляры. По классификации Волошина «низший класс — собаки, повыше — лягушки и выс-

ший — сердолики» (Белозерская Л. Е. Страницы жизни // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 205).

²⁰ Увлечение фотографией было у Леонова довольно длительным и весьма серьезным. Снимки Леонова публиковались в журналах. В письме М. Горькому от 10 января 1928 г. Леонов сообщал: «...фотографии, которые я снимал в Сорренто, я увеличил, и очень неплохо вышло. Часть их напечатал я в „30 днях“, не видали?» (Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 255). В том же журнале появился и очерк Леонова о фотографии — «Фото-любовь» (1927, № 7). В 1920-е годы Леонов, по свидетельству современников, увлекался резьбой по дереву, «точил» на токарном станке, именно в это время возникла у писателя страсть к кактусам.

²¹ Вариант пословицы: «Видел татарин во сне кисель, так не было ложки, положил за пазуху ложку — не видал киселя» (Пословицы русского народа, собранные В. Далем. М., 1957. С. 519).

²² Роман А. Белого «Москва» появился в альманахе «Круг» за 1925 год (кн. 4—5).

²³ Саркизов-Серазини Иван Михайлович (1887—1964), врач, один из основоположников лечебной физкультуры и спортивной медицины. В 1924 г. являлся членом президиума «Всероссийского общества по изучению Крыма». Под его редакцией и при самом непосредственном участии вышел в свет альманах-путеводитель «Крым» (1925), где была опубликована статья Волошина «Искусство Крыма». В 1920-е годы выступал как беллетрист и драматург. Пьеса «Сочувствующий» шла на сцене Московского театра им. Моссовета. Премьера состоялась 10 ноября 1925 года. Первое представление спектакля было показано ансамблем труппы 31 июля 1925 г. в период летнего сезона. Об этой пьесе автор сообщал в письме к М. Волошину: «Пьеса моя идет в Москве, Петербурге и в других городах России. От нее не осталось ничего. Общипана до крайности, самому противно смотреть. Единственное утешение — приносит хороший доход...» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1084. Л. 18).